А. В. Лесных

ВОЕННЫЕ МОБИЛИЗАЦИИ КРЕСТЬЯН В КРАСНУЮ АРМИЮ НА ТЕРРИТОРИИ ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Работа представлена кафедрой истории и политологии Воронежской государственной технологической академии. Научный руководитель – доктор исторических наук, профессор А. С. Паневин

В статье рассматриваются военно-мобилизационные мероприятия, проводимые советской властью в деревнях Воронежской губернии. Также проанализированы причины и масштабы такого социально-политического явления, как дезертирство. Обширные архивные материалы свидетельствуют, что в период гражданской войны дезертиры зачастую становились тем элементом сельского общества, вокруг которого группируются крестьяне, недовольные Советским правительством.

Ключевые слова: *крестьянин, советская власть, Красная Армия, Воронежская губерния, дезертир, восстание, контрреволюция, солдат, коммунистическая ячейка, полевые работы, оперативно-политическая сводка, Совет Обороны.*

A. Lesnykh

MILITARY MOBILISATION OF PEASANTS INTO THE RED ARMY OVER THE VORONEZH TERRITORY DURING THE CIVIL WAR

The article touches upon military mobilisation arrangements that took place in the Voronezh province. The reasons and scales of such a social and political phenomenon as desertion are also analysed. The numerous archive materials show that during the Civil War deserters often became elements of the agricultural society, where peasants who were dissatisfied with the Soviet Government grouped.

Key words: *peasants, Soviet power, Red Army, Voronezh province, deserter, uprising, counter-revolution, soldier, Communist cell, agricultural works, operational political communiqué, Defence Council.*

Советская историография рассматривает гражданскую войну довольно однобоко. В предельно идеологизированных работах явно преувеличены социально-политическое единство трудящихся и роль РКП (б) в деревне. Многие авторы утверждают, что идеология и политика коммунистов обеспечили прочный тыл Красной Армии. Однако у крестьянства в гражданской войне были не только свои интересы, которые часто расходились с намерениями и политикой советских властей, но и свои способы их защитить. Одним из проявлений таких противоречий стало проявившееся в ходе формирования Красной Армии дезертирство, которое до сих пор является мало изученной проблемой в истории крестьянства в период гражданской войны, хотя части большей своей частью состояли именно из сельского населения.

Мобилизации в армию, трудовые повинности и сдача хлеба государству оставались главными в жизни деревни в данный период. Тяжелым бременем для крестьян были и обязательные поставки для армии транспортных средств – лошадей, конной упряжи подвод. Очень тяжелым был для деревни уход рабочих крестьянских рук в армию, на защиту новой, еще мало понятной власти.

Главным мероприятием в деле организации Красной Армии, напрямую затрагивавшим интересы крестьянства, было учреждение в соответствии с декретом СНК от 8 апреля 1918 г. волостных военных комиссариатов. Принятие этого постановления означало, что Советское

государство нацелилось на проведение широкомасштабных мобилизаций населения. Уже с января 1919 г. мобилизации крестьян в армию следовали одна за другой. В январе 1919 г. был объявлен призыв двух возрастов: 1891 и 1892 годов рождения. 25 апреля ВЦИК принят декрет «О призыве среднего и беднейшего крестьянства к борьбе с контрреволюцией» [3; л. 15]. По этому декрету каждая волость должна была выделить 10–20 добровольцев, стойких защитников советской власти. Предписывалось их одеть, обуть, снарядить и вооружить, но ни в коем случае, однако, не обременяя крестьян – середняков и бедняков. Призыв этих «добровольцев» сопровождался широкой агитационно-разъяснительной кампанией.

За проведением мобилизации на местах должны следить посланные в 28 губерний уполномоченные ЦК РКП (б), ВЦИК и Совнаркома. Уполномоченным по Воронежской области был назначен К. С. Еремеев. Так, 9 мая состоялось экстренное заседание Губернского Исполнительного комитета. Обсуждался вопрос о проведении в Воронежской губернии призыва в ряды Красной Армии, так как необходимо было бросить значительные силы на борьбу с Колчаком.

По предложению К. С. Еремеева было решено послать в уезды прибывших к ним партийных и советских работников, уполномоченных губкома партии и губисполкома, коммунистов-рабочих. Всего в уезды было направлено 250 человек. Именно отчеты и доклады К. С. Еремеева и вышеперечисленных советских работников позволяют нам восстановить целостную картину проходившей мобилизации. Эти документы дают нам сведения о проходящей мобилизации на территории губернии, о значительных перегибах в работе представителей власти на местах, приводящих в жизнь мобилизации, об отношении крестьян к службе в Красной Армии. 16 мая губернским исполкомом была объявлена мобилизация всех служащих мужчин от 18 до 40 лет – во всех советских и кооперативных учреждениях. Мобилизованных предполагалось заменить женщинами [9, с. 90].

За первую половину 1919 г. в армию было призвано 14 возрастов, давших более 523 тыс. человек по всей стране. Мобилизация изъяла почти всех трудоспособных мужчин из деревень Воронежской губернии. 15 мая был опубликован декрет о мобилизации солдат старой армии, вернувшихся из плена, и о десятипроцентной мобилизации членов профсоюза. 22 мая был объявлен всеобщий призыв девятнадцатилетних – последний плановый призыв 1919 г., проходивший в период летних полевых работ и также не давший практических результатов.

Повсеместное вовлечение крестьян в армию привело к росту уклонений от призывов и дезертирству из ее рядов. Массовыми эти явления стали весной 1919 г., превратившись в острейшую социально-политическую проблему. 6 февраля 1919 г. губернский военкомат направил в уездные военкоматы телеграмму: «Примите более решительные меры по искоренению дезертирства. Используйте караульные роты для внезапных облав. Привлекайте комячейки, агитаторов, разъясните гражданам зло дезертирства. Не стесняйтесь применять суровые меры не только к дезертирам, но и к их укрывателям»[10, с. 122]. 8 февраля 1919 г. в Воронеже была образована Губернская комиссия по борьбе с дезертирством (Губкомдез). Председателем стал Домашев, еще в комиссию вошли коммунисты: Вьюгин, Готлиб, Карклин, Котелевский. Немногим позднее появились уездные комиссии по борьбе с дезертирством.

Попытаемся выявить основные причины дезертирства. Немалое влияние на настроение крестьян имела и общая обстановка на фронтах. Неудачи Красной Армии, вызывая усиление враждебной деятельности белогвардейских агентов и кулаков, увеличивали дезертирство и сопротивление советской власти. Статистика дезертирских восстаний за три года Гражданской войны свидетельствует о том, что резкое увеличение количества такого рода выступлений происходило в весенне-летний периоды, в самый разгар полевых работ.

В Армию шли письма из деревни с жалобами: некому косить, сеять, чинить избу, задерживается выплата пособий, слабая защита семей красноармейцев. Крестьяне отказывались защищать власть, которая не могла защитить их

родных, а часто именно представители советской власти творили бесчинства и притесняли членов семей красноармейцев. Заместитель председателя Высшей военной инспекции И. А. Данилов отмечал, что получаемые с родины сведения о бесчинствах представителей советской власти разлагающим образом влияют на фронт. Беспокойство за необеспеченность семей и их притеснения являлись одной из побегов из армии [11, с. 97].

Дезертирство из частей Красной Армии росло, и этому способствовала безнаказанность ранее уклонившихся и убежавших крестьян. Во многих письмах и записках сообщалось, что «редко можно встретить избу, где бы не было дезертира» и никакие «способы борьбы с ними вовсе в жизнь не проводится» [12, л. 143–211]. Дезертиры держали в страхе сельские власти, разлагающе действуя на новых призывников. Особенно тяжелым стало положение семей красноармейцев в 1920–1921 гг., когда в губернии разразился сильный голод.

Красноармейцы, «прибывшие в отпуска, вынуждены отправляться на поиски хлеба, вследствие чего усиливается дезертирство, а когда и возвращались в части, то оповещают там сослуживцев… Семьи, не имея возможности добыть хлеб, вынуждены на безропотное вымирание. На ходатайство, представленное в 1920 г., в форме списков на пайки могут быть выданы только по выполнению государственной разверстки… А семьи красноармейцев, имеющие надел земли, пайком не снабжаются» [7; л. 66–71, 88–89].

В докладе начальника административно-мобилизационного отдела Губвоенкома Карчагина уполномоченному ВЦИК К. С. Еремееву от 23 мая 1919 г. имеются обширные сведения о начале мобилизации в уездах Воронежской губернии: по плановой мобилизации родившихся в 1889–1891 гг. в Воронежском уезде ожидалось 2800 человек, явилось 443, а из них было принято в ряды Красной Армии – 139 человек; в Бирюченском уезде принято 303; в Валуйском к мобилизации только что приступили – принято 32 человека; в Задонском уезде ожидалось 2070, явилось 818, принято 97 [5, л. 2]. Как видно из этого источника, крестьяне очень неохотно приходили на призывные пункты, предпочитая заниматься подъемом своего крестьянского хозяйства.

По докладам уполномоченного ВЦИК и ЦК РКП (б) по Воронежской губернии К. С. Еремеева в Иловской и Татаринской волостях Алексеевского уезда крестьяне «категорически отказались и сказали, хоть нас расстреливайте, но мы не пойдем» [2, л. 28], а также «было получено предписание Уездвоенкома (Иловского… о выделении 10–20% стойких и преданных Революции граждан… таковых не оказалось» [2, л. 25].

Ни одна волость Новохоперского уезда не дала людей Красной Армии. Главные возражения крестьян против этой мобилизации на сходах – митингах выражались в следующих репликах: «Почему советская власть не заберет коммунистов всех до одного, а потом уж и мы пойдем» [3, л. 15]. Когда среди жителей деревни, волости не находилось добровольцев, то сельские сходы, Советы и волисполкомы должны были сами определить 10–20 крестьян, подлежащих отправке на фронт. Но не имея четких критериев для определения таких лиц, крестьянские сходы часто отказывались от проведения этой мобилизации, чтобы не вызывать неудовольствия одних другими. Крестьяне заявили: «Как мы будем назначать друг друга, если из среды нашей нет добровольцев и, несмотря ни на какие разъяснения, крестьяне оставались при этом мнении» [3, л. 15]. В селе Камышевке Готовской волости Воронежского уезда сход, состоящий из 400 человек, отказался выделять несколько добровольцев. Крестьяне заявляли, что если «на Ваньку покажешь, он на Гришку, и так не будет конца, и мы передеремся в кровь. Вы лучше объявите мобилизацию хоть 10 лет, и мы пойдем…» [6, л. 80]. Подобные высказывания звучали от крестьян на сходах в соседних селах Веретеновке и Готовье.

Дезертирство и уклонения от призывов не только ослабляли Красную Армию, но и разрушали тыл. Многие тысячи крестьян, практически оторванных от производительного труда, скрывающиеся в лесах (отсюда их название «зеленые»), были опасны для слабой, не имеющей еще должной силы на местах советской власти. Эти крестьяне, объединив-

шись в бандитские шайки, терроризировали сельское население, отбирали продукты, скот, уничтожали документы волостных исполкомов и военных комиссариатов. Работники сельских Советов, боясь мести, не предоставляли списки призывников, не доводили до сведения населения распоряжения правительства, становясь невольными, а иногда и сознательными сообщниками дезертиров.

Власть пыталась воздействовать на семьи крестьян-дезертиров больше мерами экономического наказания, такими как конфискация имущества и штрафы. Но все это оказалось малоэффективно, так как нехватка сильных мужских рабочих рук все равно приводила крестьянское хозяйство к голоду и экономическому упадку.

В конце мая – начале июня скопление дезертиров и нежелание крестьян идти в ряды Красной Армии привели к восстаниям в Богучарском, Бирюченском, Валуйском, Задонском, Землянском, Калачеевском, Павловском уездах [13; л. 44–47, 52–54, 74, 80]. Оперативно-политическая сводка по Воронежской губернии на 7 июня 1919 г. содержит сведения о значительном количестве дезертирских восстаний [5; л. 1]. В Воронежском уезде «было произведено покушение на председателя и военкома тов. Жукова». В Новохоперском уезде при поимке дезертиров «мобилизуемые и дезертиры оказали сопротивление», в ходе восстания восставшие убили 15 красноармейцев. В этом же уезде в селе Бурляевке дезертиры напали на волостной военком, захватили винтовки и скрылись. В Калаче вспыхнуло восстание дезертиров и мобилизованных, поддерживаемое крестьянским населением, которое началось с убийства коммуниста-агитатора. В Шиповском лесу – скопление дезертиров (около 2000 человек), в арсенале которых имелся пулемет. По сведениям из Павловска, ожидается нападение отряда дезертиров на Бутурлиновку. Из этой оперативно-политической сводки от 7 июня 1919 г. видно, что практически во всех уездах вспыхивали дезертирские восстания, что свидетельствовало о масштабе и серьезности положения в Воронежской губернии.

В конце мая – начале июня 1919 г. очагом восстания дезертиров стал Центрально-левобережный район, самым накаленным ядром стал Новохоперский уезд. Здесь восстание дезертиров охватило шесть волостей уезда. Сюда хлынула волна дезертиров из Борисоглебского и Бобровского уездов. Также дезертирские волнения происходили в соседних уездах – Павловском и Богучарском. По разным сведениям, количество дезертиров составляло от 3000 до 8000 человек, позднее это противоречие объяснил коммунист Дубсон, отметив, что «3000 – эта цифра действует в Захоперском районе, но во всем уезде цифра гораздо выше» [4, л. 11].

Часть дезертиров скрывалась «в лесах и, тем более что в волостях, где свергнута (восставшими) советская власть, к ним примыкают определенные силы местного населения» [4, л. 11]. Бунтовщики, свергнув в волостях советскую власть, производили свою мобилизацию граждан от 20–40 лет. Она проходила под лозунгом «Долой войну, бей коммунистов!» [4, л. 10]. На подавление дезертирского выступления на помощь 9-й армии, действующей в этом районе, к 10 июня были отправлены 25 пулеметов, 1500 штыков, 3 аэроплана и артиллерия [4, л. 2]. Таких сил было достаточно для подавления восстания в целой губернии, но тут выявилась несогласованность в действии советского командования: ни одному из отрядов не было указано, в чье распоряжение они поступают.

Летом 1919 г. крестьянство Воронежской губернии своей борьбой против политики советской власти, уклонениями от призывов и дезертирством из Красной Армии способствовало успехам Деникина. Еще 3 июля Деникин подписал так называемую «Московскую» директиву – план разгрома войск Южного фронта и захвата Москвы. Советская власть оказалась в тяжелом положении, так как дезертирство из армии создавали еще один фронт Гражданской войны, проходивший через каждую деревню.

В период борьбы с Деникиным одной из актуальных проблем борьбы с контрреволюцией в тылу стало возвращение дезертиров в армию. Ее неотложность диктовалась и тем обстоятельством, что к лету 1919 г. все призывные контингенты были исчерпаны. 3 июня 1919 г.

Совет Обороны принял постановление о мерах по искоренению дезертирства. Всем уклонившимся от мобилизации и дезертировавшим из армии предоставлялась возможность загладить свои преступления добровольной явкой в ближайший комиссариат. Те, кто явится в течение недели со дня опубликования постановления, освобождались от суда и наказания. Неявившиеся дезертиры объявлялись врагами и предателями трудящегося народа и подлежали строгому наказанию, вплоть до расстрела [8, с. 265]. Комиссиям по борьбе с дезертирством предоставлялось право среди прочих мер наказания применять конфискацию имущества или части его, лишение земельного надела или части его и передачу его во временное пользование семьям красноармейцев. Такие же меры могли быть применены и к укрывателям дезертиров [14, с. 17–19].

Меры по искоренению дезертирства подразделялись на предупредительные и карательные. Решающее значение предавалось предупредительным, направленным на развитие и углубление политической сознательности и общего культурного уровня населения, расширению агитационной кампании о вреде дезертирства, разъяснению массам того, что дезертиры не могут скрыться.

Одновременно с расширением политической работы были усилены репрессивные меры. Сопротивление крестьян мобилизации стало квалифицироваться центральной властью как бандитизм. 20 июня 1919 г. ВЧК и комиссиям по борьбе с дезертирством было предоставлено право расстрела за бандитизм и пособничество бандитам. При каждом отряде Губкомдеза находилась выездная сессия революционного трибунала для открытого суда над дезертирами и бандитами. Эти специфические суды, проходившие не столько над личностями дезертиров, сколько над причинами, вызывавшими дезертирство. 20 ноября 1919 г. трибуналы при вынесении приговора должны были руководствоваться исключительно вынесенными при рассмотрении дела обстоятельствами и своей революционной совестью, выбирая соответствующее наказание: выговор, штраф, конфискация части или всего имущества, лишение всех или некоторых политических прав, лишение свободы, направление в штрафные части, расстрел. Все приговоры после объявления, за исключением расстрела, немедленно вступали в законную силу. Приговор к расстрелу реализовывался через 48 часов.

В связи с разнообразием толкования понятия «дезертир», а также множеством причин самого дезертирства возникает трудность в определении точного количества дезертиров в Красной Армии. Возникает ряд вопросов, можно ли относить к дезертирам лиц, не прибывших на призывные пункты и не принимавших ранее военной присяги, весьма условной является формулировка «уклонение от службы другими различными способами». К дезертирам относятся военнослужащие, оставившие свою часть, покинувшие поле боя или пост, доверенный для охраны, а также лица, принявшие военную присягу и не прибывшие на призывной пункт по повестке. В архивных документах никакого разделения на формы и виды дезертирства практически нет. Поэтому количественные показатели дезертирства из Красной Армии, приведенные ниже, можно считать условными и относительными.

Кроме того, многие дезертиры после соответствующего разбирательства возвращались в армию, а затем вновь сбегали. Иногда один человек «дезертировал» по нескольку раз, а в итоге в официальных документах получался повторный счет. Одним из сложнейших является вопрос о выяснении общего количества дезертиров в Воронежской губернии. Так, по подсчетам Д. Д. Лаппо в 1919 г. только задержано было 32 985 дезертиров [10, с. 122]. В сводке Губкомдезертира на апрель 1920 г. общее число дезертиров в уездах Воронежской губернии достигает весьма крупной цифры – до 50 000 человек. Также в этой сводке отмечается, что по социальному происхождению подавляющая масса дезертиров – крестьяне, середняки, бедняки, но есть и зажиточные [1, л. 18].

Таким образом, дезертирство, как одна из форм крестьянского сопротивления расширяющейся системе «военного коммунизма» в 1919–1920 гг., превратилось в постоянный фактор гражданской войны. Слабая военная организация большевиков, отсутствие долж-

ного опыта строительства вооруженных сил, недостаточность времени, кадров не могли не сказаться на общем ходе формирования Красной Армии. Это, в свою очередь, влекло множество ошибок, компенсировать которые приходилось за счет применения жестких мер против населения, которое не желало воевать. То есть дезертирство стало одним из показателей отношения крестьян Воронежской губернии к советской власти. В период гражданской войны дезертиры становятся тем элементом сельского общества, вокруг которого группируются крестьяне, недовольные властью Советов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 237.
2. ГАОПИВО. Ф. 4794. Оп. 1. Д. 18.
3. ГАОПИВО. Ф. 4794. Оп. 1. Д. 44.
4. ГАОПИВО. Ф. 4794. Оп. 1. Д. 45.
5. ГАОПИВО. Ф. 4794. Оп. 1. Д. 9.
6. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 659.
7. ГАОПИВО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 844.
8. Декреты Советской власти. М., 1964. Т. 5.
9. Дни грозовые. Воронежская организация КПСС в годы гражданской войны (1918–1920 гг.). Воронеж, 1960.
10. *Лапто Д. Д.* В красно-белом отсвете трагедии. (Воронежская губерния. 1917–1920 гг.). Воронеж, 1993. 252 с.
11. Переписка Секретариата ЦК РСДРП (б) – ЦК РКП (б) с местными партийными организациями. М., 1967. Т. VIII.
12. Российский Государственный военный архив (РГВА). Ф. 11. Оп. 3. Д. 86.
13. РГВА. Ф. 25887. Оп. 1. Д. 916.
14. Сборник постановлений и распоряжений Центральной Комиссии по борьбе с дезертирством. Вып. II. М., 1920.